

АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ШЕПОТ ЧЕРНОЛЕСЬЯ

Алексей Довгун

Шепот Чернолесья

«Автор»

2026

Довгун А.

Шепот Чернолесья / А. Довгун — «Автор», 2026

Смерть бабушки заставляет Елену вернуться в глухую деревню Залесье, затерянную в объятиях векового Чернолесья. Вместе с покосившимся домом, пахнущим сушеными травами и застарелой тревогой, девушка получает странное наследство: теплый на ощупь резной оберег и истрепанный дневник. Вскоре тишина деревни взрывается ночными исчезновениями местных жителей. Чернолесье подступает к самым окнам, дышит сыростью и шепчет человеческими голосами во тьме. Защитная пелена спадает с глаз Елены — она начинает видеть истинный, искаженный облик существ Нави. Ей предстоит понять, что договор между людьми и лесом разорван, а древний дух-хранитель превратился в ненасытное чудовище.

© Довгун А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Гнилые корни	5
Глава 1. Запах пыли и полыни	7
Глава 2. Хозяин пепелища	10
Г	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Довгун

Шепот Чернолесья

Пролог: Гнилые корни

Двадцать лет назад. Чернолесье.

Лес пах мокрой псиной, прелой листвой и застарелой, невыветривающейся тревогой.

Мальчишка бежал, не разбирая дороги. Ветви хлестали по лицу, оставляя саднящие красные полосы, но он даже не пытался закрываться руками — слишком боялся выронить старое лукошко, на дне которого перекатывалась жалкая горсть брусники. Резиновые сапоги скользили по склизким, обросшим сизым мхом корням, торчащим из земли, словно узловатые пальцы мертвецов.

Семилетний Илюша знал, что нарушил запрет. Дед Игнат сотни раз вбивал ему в голову, глядя из-под кустистых седых бровей: «За Олений ручей не ходи. Ни шагу, слышишь? Там не наши угодья. Там — Хозяин». Но ягоды у ручья были мелкими, кислыми, а Илюше так хотелось принести домой полную корзину, доказать, что он уже взрослый, что он добытчик. Он шагнул за воду всего на пару метров. Потом еще на десяток. Крупная, налитая соком брусника манила все дальше, в густую тень вековых елей, где даже в полдень стоял промозглый полумрак.

А потом тропинка просто исчезла.

Сначала Илюша не поверил. Он обернулся, чтобы пойти по собственным следам, вмятинам на влажной земле, но позади стеной стоял плотный, непроходимый малинник, переплетенный колючей проволокой сухостоя. Мальчик метнулся вправо, пытаясь выйти на звук ручья, но вода молчала. Лес вообще подозрительно затих. Исчез гомон птиц, стих шорох мелкого зверья в подлеске, даже ветер перестал путаться в высоких кронах. Воздух сделался густым, тяжелым, словно Илюша оказался на дне глубокого колодца.

Он снова побежал. Дыхание с сипом вырывалось из горящего горла. Липкий, холодный пот заливал глаза.

Внезапно температура резко пошла вниз. Еще минуту назад стоял душный августовский вечер, а теперь Илюша с ужасом смотрел, как с каждым его рваным выдохом в воздухе повисает белесое облачко пара. Холод был неестественным, колючим. Он пробирался под тонкую ткань штормовки, кусал за шею, сковывал суставы.

Вместе с холодом пришел запах.

Сырость подлеска исчезла, вытесненная резким, химическим ароматом озона — так пахло в деревне перед самой страшной, черной грозой, когда небо распарывали молнии. Но здесь не было неба, только смыкающиеся над головой черные лапы елей. К озону примешивалась едкая вонь жженой коры и чего-то еще... сладковато-гнилостного. Так пахло от падали, которую Илюша однажды нашел за амбаром.

Мальчик замер, прижавшись спиной к широкому стволу сосны. Его колотила крупная дрожь. Корзинка выскользнула из онемевших пальцев, и красные бусины брусники брызнули на почерневший мох, напоминая капли свежей крови.

Пространство перед ним начало меняться.

Это было похоже на дурной сон. Илюша моргнул раз, другой, но наваждение не исчезло. Деревья, до этого стоявшие в отдалении, теперь оказались вплотную друг к другу. Лес физически менял свою геометрию. Толстые, покрытые чешуйчатой корой стволы изгибались под немыслимыми углами, ветви сплетались с мерзким, влажным хрустом, отрезая любой путь

к отступлению. Геометрия Чернолесья сошла с ума. Прямая линия стала кругом, а круг — плотно сжимающейся клеткой.

— Деда... — пискнул Илюша. Голос сорвался, прозвучав жалко и чужеродно в этой первобытной тишине.

Впереди, там, где тени сливались в сплошную чернильную кляксу, что-то дрогнуло.

Из мрака начал проступать силуэт. Слишком высокий для человека. Огромная, ломаная фигура шагнула вперед, и земля под ее тяжестью не издала ни звука. Существо было соткано из гниющих веток, обрывков седого мха и тягучей, пульсирующей черной смолы, которая стекала по его подобию конечностей, оставляя на земле дымящиеся выжженные следы. У него не было лица — только провал, заросший корневищами, в глубине которого тлели два бледно-голубых болотных огня.

Существо остановилось в трех шагах от скованного первобытным ужасом ребенка. Запах озона и мертвечины стал невыносимым.

И тогда Лес заговорил.

Это не было голосом в привычном понимании. Звук не рождался в воздухе, он формировался прямо в черепе Илюши, отдаваясь болью за глазами. Шепот. Сотни голосов, накладывающихся друг на друга: скрип старой древесины, шелест сухой листвы, стон промерзшей земли, плач младенца, предсмертный хрип раненого лося.

«Кррровь... не твоя... но того же корррня...»

Шепот парализовал волю. Илюша хотел закричать, броситься прочь, но мышцы превратились в камень. Он мог только смотреть, как из-под промерзшей, покрывшейся инеем земли, взламывая дерн, змеями ползут толстые черные корни. Они обвилились вокруг его лодыжек — ледяные, безжалостные.

«Договоррр... порррван...» — проскрежетал в разуме голос существа. Болотные огни вспыхнули ярче, в них читалась не животная ярость, а холодная, извращенная Навью человеческая ненависть. — *«Долг... возьми... семенем...»*

Смоляная лапа, оканчивающаяся острыми, как ножи, щепами, медленно потянулась к лицу мальчика. Холод выжег последние крохи сознания. Корни рванули вниз, утягивая добычу во тьму, и смыкающиеся ветви елей навсегда закрыли небо над Оленьим ручьем.

Лес сглотнул.

Температура снова поднялась. Запах озона растаял, сменившись привычным ароматом прелой листвы и грибов. Где-то вдали ухнула сова. Чернолесье сомкнуло свои ряды, скрывая следы.

На пустой тропе, среди нетронутого мха, осталось лежать только старое лукошко да россыпь растоптанной брусники, медленно впитывающейся в сырую землю Залесья.

Долг начал собираться. И те, кто жил по ту сторону деревьев, пока даже не подозревали, что отсрочка, длившаяся полвека, подошла к концу.

Глава 1. Запах пыли и полыни

Изношенный «ПАЗик», насквозь пропахший бензином и влажной шерстью чужих пальто, на прощание чихнул сизым выхлопом и растаял в пелене морозящего дождя. Обочина встретила чавкающей грязью.

Август в этом году выдался аномально холодным, но здесь, на подступах к Залесью, осень словно уже вступила в свои полные права. Ледяной дождь забирался под воротник куртки, пах прелой хвоей, сырой землей и чем-то неуловимо металлическим, похожим на привкус ржавчины на губах.

Деревня казалась вымершей. Почерневшие от времени срубы жались друг к другу, словно испуганное стадо, а сразу за их огородами глухой, непроницаемой стеной вставало Чернолесье. Его кроны сливались в сплошную чернильную массу, поглощающую даже тусклый дневной свет. Оттуда тянуло пронизывающим до костей холодом.

Городская жизнь — работа в архитектурном бюро, вечная спешка, шум проспектов — долгие годы надежно скрывала странности покойной бабушки Аграфены. Ее непонятные травяные сборы, бормотания под нос и категорические запреты подходить к кромке леса казались лишь старческими причудами. До похорон, на которые из-за размытых дорог и отмены рейсов внучка так и не успела. Теперь предстояло разобрать вещи, подписать бумаги на продажу пустого дома и навсегда вычеркнуть Залесье из понятной, рациональной реальности.

Тропинка к крыльцу утонула в жестком пырее и злой крапиве, хлеставшей по мокрым джинсам. Тяжелый, похожий на музейный экспонат железный ключ с натугой провернулся в скважине. Замок скрипнул так болезненно, будто металл пережевывал сам себя, и массивная дубовая дверь подалась внутрь.

В лицо ударил спертый воздух остановившегося времени. Пахло густой сухой пылью, печной золой, старым деревом и — резче всего — горькой полынью. Пучки сушеной травы висели повсюду: над дверными косяками, под потолком, на окнах. Защита от «незваных гостей», как всегда говорила Аграфена. Сейчас от этого едкого аромата лишь свербило в носу.

Щелчок выключателя — под потолком неохотно затеплилась тусклая лампочка в мутном плафоне.

Внутри ничего не изменилось. Исполинская беленая печь занимала четверть избы. На выскобленном столе лежала забытая соседями клеенка, в углу мерно тикали старые ходики. Звук маятника в мертвой тишине дома оглушал.

Елена скинула намокшую обувь и тяжелую куртку, пришлось сразу лезть в рюкзак за толстым свитером. Из рта при каждом выдохе вырывался легкий пар. Топить печь было страшно — навыков обращения с заслонками и дровами не было, поэтому в ход пошел привезенный с собой маленький электрообогреватель. Тонкая спираль начала краснеть, отвоевывая у вековой сырости жалкие крохи пространства.

Голова гудела тяжело и нудно. Тупая боль зародилась где-то на затылке еще в автобусе, а теперь стягивала виски железным обручем. Стресс, смена давления, банальная усталость — логичные оправдания для подступающей тревоги.

Документы на дом нашлись на самом дне окованного потемневшим железом сундука. Там же, под слоями нафталиновых шалей и выцветшего постельного белья, обнаружилась небольшая деревянная шкатулка. Внутри, на куске потертого бархата, лежала старая тетрадь в потрескавшемся кожаном переплете и резной оберег на толстом шнурке.

Дневник пестрел убористым, угловатым почерком Аграфены. Страницы были исписаны странными зарисовками переплетений корней, фазами луны и списками трав. Текст казался бессвязным бредом: обрывочные фразы про «период опадания листьев», про «границу, которую нельзя переступить после заката» и какой-то «долг, что взыщет корни».

Отложив тетрадь, пальцы потянулись к деревянному диску. Размер с ладонь, темный от времени, отполированный тысячами прикосновений до сатинового блеска. В центре был вырезан сложный солярный символ — грозовик. Коло, призванное управлять стихиями.

Стоило руке сомкнуться на резьбе, произошло немыслимое.

Оберег оказался горячим. Не просто нагретым от комнатной температуры, а физически, пульсирующе обжигающим, словно камень, пролежавший весь день на июльском солнце.

Инстинкт сработал быстрее мысли: кисть разжалась, и деревянный круг со стуком рухнул на столешницу.

По спине прокатилась волна ледяного пота. Боль в висках дернулась в такт заколотившемуся сердцу. Осторожное прикосновение кончиками пальцев к символу — дерево было абсолютно холодным.

— Трение, — надломленный шепот прозвучал в пустой избе чуждо и жалко. — Трение и собственное тепло. Просто сдают нервы.

Резкий свист закипевшего на плитке чайника разрушил оцепенение. Кружка обжигающего чая немного привела в чувство, но за окном уже стремительно густели сумерки. Чернолесье надвинулось вплотную к огородам, высасывая из мира последние капли света. Здесь, в глуши, темнота оказалась плотной, осязаемой. Она прилипла к стеклам с той стороны, настойчиво заглядывая внутрь.

Плотно задернув занавески и проглотив таблетку спазмолитика, оставалось лишь соорудить на кровати кокон из спального мешка и двух ватных одеял. Включенный у изголовья ночник давал слабую, неуверенную полусферу света.

Сон не шел. Городские жители привыкают к фоновому шуму, но деревенская тишина полна собственных, микроскопических звуков. В стене методично скребся жук-точильщик. Потрескивал остывающий сруб. Монотонно, убаюкивающе шумел дождь. И где-то на самой границе сознания мерещился шепот — гул множества голосов, сливающихся в низкую, скребущую по черепу вибрацию.

Тяжелая, мутная дремота сморила далеко за полночь.

Пробуждение вышло резким. Тишина изменилась, стала вязкой, давящей на барабанные перепонки. Глаза распахнулись, уставившись в слабо освещенный потолок. Тело сковал ледяной сонный паралич.

Дождь за окном стих. Но разбудило другое.

За закрытой дверью спальни, в сених, тяжело и протяжно скрипнула половица.

Разум лихорадочно выстраивал защиту. Старые дома оседают. Доски деформируются от влажности. Уличная собака забилась под крыльцо. Это просто физика.

Скрип.

Звук переместился. Кто-то или что-то находилось уже на кухне.

Шаги были нечеловечески тяжелыми. Существо переваливалось, выдерживая между движениями долгие, мучительные секунды, словно с трудом переставляя неповоротливые конечности. У самой печи доски жалобно застонали. Затем раздался глухой стук — будто на пол скатилась деревянная плшка.

А следом наступила абсолютная, мертвая тишина. Ни шороха. Ни единого вдоха.

Пальцы под одеялом до побеления стиснули рукоять тяжелого металлического фонарика. Десять минут прошли в мучительном ожидании. Убедив себя, что звук приснился, взгляд медленно скользнул в дальний угол комнаты — туда, где за печной трубой сгустились не освещенные ночником тени.

Тень там была неправильной. Она не ложилась на стену плоско. Она имела объем.

От чудовищного напряжения головная боль вспыхнула с новой силой, перед глазами поплыли белые круги. Когда зрение сфокусировалось, стало кристально ясно: мрак обрета

плотность. Из бесформенного пятна соткался низкий, сгорбленный силуэт, покрытый чем-то похожим на спутавшуюся грязную шерсть и клочья пыли.

Воздух в горнице выстыл мгновенно. Горький запах полыни смыло густым, удушливым смрадом печной сажи, мокрой псины и заплесневелого хлеба. Горло свело спазмом, не давая сделать даже судорожный вдох.

Лохматая тьма в углу шевельнулась, издав тихий, шелестящий звук, похожий на вздох. И в самом ее центре, низко, на уровне человеческого колена, медленно открылись и вспыхнули тусклым желтым светом два абсолютно круглых, немигающих глаза.

Они смотрели прямо на кровать.

Глава 2. Хозяин пепелища

Утро пришло не со светом, а с серым, промозглым полумраком, который с трудом протискивался сквозь мутные стекла старого дома.

Елена открыла глаза. Тело затекло так, словно ночью ее били палками. Мышцы ломило от холода. Маленький электрический обогреватель не справился — его бледно-оранжевая спираль давно потухла, сдавшись под натиском деревенских заморозков. Из рта при дыхании вырывались густые белые облачка.

Резко села на кровати, инстинктивно подтягивая ватное одеяло к самому подбородку. Взгляд метнулся в дальний угол горницы.

Там было пусто. Только старый веник, прислоненный к облупившейся штукатурке, да густая тень от массивной печной трубы.

Сонный паралич. Стресс. Галлюцинации на фоне переутомления и внезапной потери близкого человека. Городской мозг, привыкший раскладывать все по полочкам, быстро выстроил железобетонную линию защиты. Желтые немигающие глаза оказались игрой теней и воспаленного воображения. Скрип половиц — просто оседающий сруб. Все логично. Всему есть объяснение.

Но ледяной пот, присохший к спине, говорил об обратном.

Елена заставила себя спустить ноги на ледяной пол. Нужно было согреться, иначе до обеда она просто не доживет, сляжет с тяжелейшей простудой. Кое-как натянув поверх джинсов еще одни штаны, а на ноги — толстые шерстяные носки из бабушкиного сундука, она вышла на кухню.

Огромная русская печь занимала здесь главное место. Побеленная, с тяжелой чугунной заслонкой, она казалась спящим бегемотом. Никогда в жизни она не топила печь. В теории все выглядело просто: закинуть дрова, поджечь бумагу, открыть какую-то трубу, чтобы не угореть.

Рядом с шестком лежала аккуратная стопка березовых поленьев и береста.

Девушка потянула на себя тяжелую заслонку. Из темного зева печи пахло вековой золой, сухой сажой и... чем-то еще. Запах был странным. Так пахнет старая, мокрая овечья шерсть и зачерствевший ржаной хлеб.

Чиркнула спичкой. Огонек неуверенно лизнул бересту, та свернулась с тихим треском, выпуская струйку едкого дыма. И тут же, словно от сильного сквозняка, спичка погасла.

— И кто ж так огонь будит, непутевая?

Голос прозвучал не сзади. Он раздался прямо из печи. Низкий, скрипучий, похожий на звук перетирающихся камней.

Елена отшатнулась так резко, что ударилась спиной о кухонный стол. Тарелки на нем жалобно звякнули. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в районе горла, перекрывая кислород.

Из черного зева печи, прямо по свежей золе, не оставляя следов, кто-то спускался.

Сначала показались босые ноги. Слишком маленькие для взрослого человека, покрытые густым, жестким волосом вплоть до костяшек. Пальцы на ногах венчались не ногтями, а короткими, загнутыми вниз роговыми наростами, подозрительно напоминающими когти. Затем в серый утренний свет вынырнула сторбленная фигура, облаченная в подобие домотканой рубахи, серой от грязи и времени.

Существо прыгнуло на пол с глухим стуком, распрямилось, оказавшись Лене едва по пояс, и отряхнуло руки от сажки.

Оно подняло голову.

Те самые желтые, круглые глаза из ночного кошмара. Они смотрели на нее с нескрываемым раздражением. Лицо существа напоминало печеное яблоко, сплошь изрезанное глубо-

кими морщинами. Широкий, приплюснутый нос, кустистые брови, сросшиеся на переносице, и борода, в которой застряли какие-то щепки и сухие травинки.

— Чего вылупилась? — снова скрипнул он, шмыгнув носом. — Аграфена померла, а замену себе, видать, на помойке нашла. Ни печь растопить, ни порог уважить. Молока-то хоть привезла?

Елена вжалась в край стола. Пальцы судорожно вцепились в клеенку.

— Я сплю, — прошептала она, зажмуриваясь. — Я просто сплю. Это нервный срыв. Острое психотическое состояние. Нужно просто успокоиться.

— Спит она, — фыркнуло существо, и по кухне разнесся отчетливый запах псины и печного жара. — Я тебе сейчас так посплю, до города бежать будешь, пятками сверкать. Глаза открой, городская!

Он шагнул вперед. Его движения были текучими, неестественно быстрыми. В долю секунды он оказался рядом.

Жесткие, холодные пальцы обхватили запястье Елены. Хватка была стальной. Когти впились в кожу через толстую вязку свитера, причиняя совершенно реальную, острую боль.

Девушка вскрикнула и распахнула глаза, попытавшись вырвать руку. Куда там. Существо держало ее, словно тисками.

— Больно? — прищурился он, чуть ослабив хватку, но не отпуская. — Галлюцинации синяки оставляют, девка? Или, может, они золой пахнут?

Елена тяжело дышала, с ужасом глядя на то, как серая, волосатая ладонь сжимает ее руку. Это не было сном. Воздух в кухне стал плотным. Запах существа забивался в ноздри, шерсть на его руках была жесткой, как проволока.

Ее привычный, выверенный мир, где здания строятся по законам физики, а болезни лечатся таблетками, прямо сейчас трещал по швам. И сквозь эти трещины в реальность лезло нечто древнее, хтоническое, забытое.

— Кто... что ты такое? — голос Лены сорвался на жалкий писк.

Существо отпустило ее руку, отступило на шаг и с достоинством одернуло свою грязную рубаху.

— Макарыч я. Хозяин этого дома. А вот кто ты такая — это большой вопрос. Аграфена говорила: «Внучка придет, кровь моя, сильная будет». А приехала слепая курица, которая от печной тени в обморок падает.

Домовой.

Слово всплыло из глубин памяти, из детских сказок, которые бабушка рассказывала ей у этой самой печи. Добрый дедушка, любящий молоко и кашу, охраняющий покой. Но то, что стояло перед Еленой, не имело ничего общего со сказками. Это был дух. Дикий, привязанный к человеческому жилью, но от этого не ставший ручным. От него веяло первобытной силой земли и огня.

Боль в затылке, мучившая ее со вчерашнего вечера, внезапно прострелила виски. Перед глазами на секунду потемнело, а когда зрение вернулось, мир слегка изменился.

Елена ахнула, прикрыв рот рукой.

Она увидела Макарыча иначе. Поверх его сгорбленной, материальной оболочки проступило мерцающее, пульсирующее марево. И от этого марева, от самых ног Домового, тянулись полупрозрачные, похожие на корневища нити. Они уходили прямо в доски пола, вплетались в нижние венцы сруба, намертво вращались в фундамент печи. Он не просто жил здесь. Он был частью этого дома, его нервной системой, его душой.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя тошноту и пульсацию в висках.

— О, — Макарыч удовлетворенно крикнул, заметив ее реакцию. — Прорезается. Видеть начала. Слава Роду, а то я уж думал, совсем пустая.

Он по-хозяйски прошел к умывальнику, зачерпнул из ведра ковшом ледяной воды и жадно напился, проливая капли на бороду.

Елена медленно сползла по столешнице, садясь на табуретку. Ноги не держали.

— Значит, ты настоящий, — тихо произнесла она, глядя в пол. — Все эти бабушкины обереги, травы по углам... Она не была сумасшедшей.

— Аграфена-то? — Макарыч хрипло рассмеялся, утираясь рукавом. — Она была последней Ведающей на сотню верст кругом. Границу держала. Пока она дышала, ни одна тварь из Чернолесья и носа к деревне не смела сунуть. Боялись ее пуще огня.

Домовой помрачнел, его желтые глаза потускнели. Он подошел к окну и всмотрелся в серую хмарь на улице. Лес стоял темной стеной, нависая над огородом.

— А теперь граница пала, — глухо сказал он. — Лес проснулся, девка. Он ждал. Пятьдесят лет ждал, пока Аграфена ослабнет.

Елена потеряла запястье, на котором уже наливались багровым четыре небольших синяка от когтей Макарыча. Разум отчаянно пытался зацепиться за остатки нормальности.

— Что значит — проснулся? Это просто лес. Деревья, мох, звери. Вчера пропал охотник, мне в деревне...

Она осеклась. Макарыч резко повернулся к ней, и в его взгляде читался такой первобытный ужас, что Елене стало физически холодно.

— Охотник? — прошипел Домовой. — Спицын, что ли? Дурак старый. Поперся за кромку.

— В полицию заявили, — попыталась вернуть разговор в привычное русло Елена. — Участковый Антон ищет...

— Пусть ищет, — отрезал Макарыч. — Не найдет. А если найдет — сам не рад будет. Лес не просто так забирает. Он берет плату. Долг, который эти идиоты залесские сами на себя повесили.

Домовой начал нервно мерить шагами кухню, его когти цокали по половицам. Запах горелой шерсти усилился.

— Ты думаешь, почему Аграфена тебя сюда не пускала? Почему в город отправила учиться? Да чтобы дух твой спрятать! Леший обезумел. Навь поперла из всех щелей. Договор разорван, и теперь они придут за каждым, в ком течет кровь клятвопреступников.

Елена хотела спросить про договор, про кровь, но не успела.

Тишина в доме изменилась.

Это было похоже на перепад давления в самолете, только во много раз сильнее. Воздух в кухне внезапно стал ледяным и тяжелым. Разом смолкли все звуки: перестал тикать маятник старых ходиков, исчез шорох точильщика в бревнах.

В ноздри ударил резкий, химический запах озона, переплетенный с густым смрадом гниющей мокрой древесины и болотной тины.

Шерсть на загривке Макарыча встала дыбом. Он зашипел, обнажив острые, как иглы, зубы, и метнулся к двери.

— Замолчи! — рыкнул он на Елену, хотя она и так не могла произнести ни звука от сковавшего ее горло ужаса.

Домовой в прыжке преодолел сени и с невероятной силой обрушил тяжелый кованый засов на входной дубовой двери. Металл лязгнул, врезаясь в паз.

Макарыч припал к полу, прижавшись ухом к широкой щели под порогом. Его ноздри раздувались, втягивая воздух с улицы.

За стенами дома повисла мертвая тишина. Не было слышно ни ветра, ни шума деревьев. А затем раздался звук.

Влажный, тяжелый звук втягиваемого воздуха. Кто-то огромный стоял прямо за дверью, на крыльце, и шумно принимался.

Елена сжалась в комок на табуретке, зажав рот обеими руками, чтобы не закричать. Боль в висках стала невыносимой. Перед глазами снова начало мерцать. Сквозь толстые дубовые доски двери она на мгновение увидела пульсирующий, бесформенный сгусток черной смолы и гнили, от которого исходил холод, замораживающий даже время.

Звук дыхания за дверью прекратился. Послышался глухой, мокрый шлепок, словно кусок сырого мяса бросили на доски, и нечто медленно, тяжело уползло прочь со двора.

Макарыч медленно поднялся с пола. Его желтые глаза горели в полумраке сеней. Он посмотрел на Елену и тихо, почти беззвучно произнес:

— Они пришли принюхаться. Ты пахнешь Аграфеной, девочка. И теперь Лес знает, что ты здесь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.